

М.В. Ковалев, С.В. Кузьминых

БАРОН ЖОЗЕФ ДЕ БАЙ И РОССИЯ¹

***Аннотация.** В статье рассматривается значение фигуры барона Жозефа де Бая в истории российско-французских научных и культурных связей конца XIX – начала XX в. Поводом для анализа служит коллективное издание «Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob. Art, archéologie, ethnographie (écrits de 1874 – 1925)», объединившее важнейшие труды ученого, его архивные материалы и современные исследовательские очерки. В данном обзоре в первую очередь анализируются именно исследования о жизни и творчестве барона де Бая, подробно раскрывается их содержание и научная значимость. Показано, что де Бай был не только археологом, этнографом и коллекционером, но и активным посредником между российской и западноевропейской наукой. Особое внимание уделено его экспедициям по России, прежде всего по Поволжью, Кавказу, Уралу, Сибири, его интересу к древностям эпохи Великого переселения народов, этнографии, церковному искусству и русской художественной традиции. Анализируются исследовательский метод де Бая, его сравнительный подход к материальной культуре Евразии, формы взаимодействия с российскими учеными и научными учреждениями. Подчеркивается, что, несмотря на ограниченность отдельных интерпретаций и двойственное положение между любительской и профессиональной наукой, де Бай внес заметный вклад в популяризацию русских древностей во Франции и включение археологических памятников Российской империи в общеевропейский научный контекст. Сделан вывод, что изучение творческого наследия ученого позволяет глубже понять механизмы международного научного обмена, культурного трансфера и интеллектуального посредничества в Европе рубежа XIX–XX вв.*

***Ключевые слова:** Жозеф де Бай; российско-французские научные связи; изучение России во Франции, история археологии; научные коммуникации; культурный трансфер; интеллектуальная история.*

Ковалев Михаил Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); ведущий научный сотрудник Архива РАН. Россия, Москва.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: C-6747–2014

Scopus Researcher ID: 53984354100

ORCID: 0000-0002-4722-818X

1. Работа подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-18-00790.

Кузьминых Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. Россия, Москва.

E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: J-2060-2018

Scopus Researcher ID: 34768272400

ORCID: 0000-0002-3926-2185

Kovalev M.V., Kuzminykh S.V.

Baron Joseph de Baye and Russia

Abstract. *The article examines the significance of Baron Joseph de Baye in the history of Russian–French scholarly and cultural relations at the turn of the 19th and 20th centuries. The analysis is prompted by the collective volume Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob. Art, archéologie, ethnographie (écrits de 1874–1925), which brings together the most important works of the scholar, his archival materials, and a series of contemporary research essays. This review focuses primarily on the studies devoted to the life and scholarly activity of Baron de Baye, providing a detailed examination of their content and academic significance. It is shown that Joseph de Baye was not only an archaeologist, ethnographer, and collector, but also an active mediator between Russian and Western European scholarship. Particular attention is paid to his expeditions across the Russian Empire, especially to the Volga region, the Urals, the Caucasus, and Siberia, as well as to his interest in the antiquities of the Migration Period, ethnography, ecclesiastical art, and the Russian artistic tradition. The article analyzes de Baye's research methods, his comparative approach to the material culture of Eurasia, and the forms of his interaction with Russian scholars and academic institutions. It is emphasized that, despite the limitations of some of his interpretations and his ambiguous position between amateur and professional scholarship, Baron de Baye made a significant contribution to the popularization of Russian antiquities in France and to the incorporation of archaeological materials from the Russian Empire into the broader European scholarly context. The article concludes that the study of his legacy makes it possible to better understand the mechanisms of international scholarly exchange, cultural transfer, and intellectual mediation in Europe at the turn of the 19th and 20th centuries.*

Keywords: *Joseph de Baye; Russo-French scholarly relations; Russian Studies in France; History of Archaeology; Scientific Communication; Cultural Transfer; intellectual history.*

Имя барона Жозефа де Бая (Amour-Auguste-Louis-Joseph Berthelot, baron de Baye; 1853–1931) прочно вписано в историю российско-французских интеллектуальных связей конца XIX – начала XX в. Во французском обществе того времени возрастал интерес к России и русской культуре, появлялось все больше профессиональных исследователей в этом направлении, но именно де Бай сыграл особую роль в знакомстве французской научной общественности с археологическими памятниками и этнографическими традициями Российской империи. Впервые приехав в Россию в 1890 г., барон страстно влю-

бился в эту страну, и свои искренние чувства пронес через всю жизнь. Не будет преувеличением сказать, что Россия стала для него второй Родиной. В этом он признавался в конце жизни в своих письмах русскому коллеге археологу В.А. Городцову [Белозерова и др., 2026].

«От Оби до Оби» – такой подзаголовок носит фундаментальная книга, вышедшая в Париже в 2022 г. [Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob 2022]. Лежащая в его основе игра слов призвана очертить широкие горизонты жизни и творчества барона де Бая. Правый приток Сены, река Об (Aube), протекает по родным местам французского ученого в Шампани. Сибирскую реку Обь он видел во время своих археологических и этнографических экспедиций на Восток. Россия и Франция, Европа и Азия неразрывно соединились в его жизни.

Издание было подготовлено большим научным коллективом, включающим представителей нескольких авторитетных институций. Патроном издания выступил знаменитый парижский Институт славяноведения (Institut d'études slaves), что отнюдь неслучайно. Именно в архиве этой организации хранится фонд барона Жозефа де Бая, включающий многочисленные фотографии его путешествий по Российской империи, а также иные иконографические материалы.

Нельзя сказать, что имя де Бая забыто в науке. Однако его многочисленные сочинения, включая путевые заметки, этнографические зарисовки и археологические статьи, разпылены по различным изданиям и не всегда доступны исследователям. Они не становились прежде предметом специального обобщающего исследования. Хотя современная наука шагнула далеко вперед, работы де Бая сохраняют свою значимость, причем не только как предмет историографических исследований. По этой причине издатели книги поставили перед собой задачу объединить под одной обложкой важнейшие труды ученого, которые отражали бы главные направления его исследований 1870–1920-х годов. По этой причине книга тематически разделена на несколько блоков: «Де Бай во Франции», «От Европы до России: искусство Великого переселения народов», «Россия (Волга, Урал, Сибирь): археология и этнография культурных контактов», «Центральная и Южная Россия, Украина». Несомненным показателем высокого качества работы публикаторов является тот факт, что все труды де Бая сопровождают квалифицированные научные комментарии, позволяющие пролить свет на обстоятельства его полевых исследований и путешествий, генезис научных взглядов, соотнести выводы с современными научными знаниями. Важным дополнением является публикация фотографий из экспедиций барона по России, которые хранятся в упомянутом выше архиве. Помимо того, в книге помещены фотографии некоторых предметов из личной этнографической коллекции барона Жозефа де Бая, ныне хранящихся в парижском Музее Бранли.

Однако читателям представлена не просто публикация исследований ученого за полвека его деятельности и с комментариями составителей. В тематические разделы издания включены основательные очерки, раскрывающие ос-

новые этапы научной биографии, анализирующие исследовательские методы барона, и, что особенно интересно, проливающие свет на его обширные связи с Россией и российской наукой. Именно на этих исследовательских очерках хотелось бы остановиться особо.

Первый раздел книги посвящен начальному этапу научной карьеры де Бая. Жан-Жак Шарпи прослеживает истоки его интереса к археологии, описывает начало исследований в департаменте Марна в 1872 г., когда им были открыты несколько погребений позднего неолита, и последовавшие вслед за этим раскопки в районе болот Сен-Гон. Шарпи рассматривает период 1870–1880-х годов как основополагающий для всей последующей карьеры барона. Именно тогда сформировался его научный метод, а именно: точное описание и классификация всех находок, тщательная фиксация всего хода раскопок. Такая строгость, как заключает Шарпи, контрастировала с практиками некоторых современников, ориентированных, прежде всего, на поиск исключительно эффектных артефактов. Исследования в Шампани способствовали пересмотру представлений о коллективных погребальных практиках и социальной организации неолитических сообществ Парижского региона.

Научная деятельность де Бая в Шампани рассматривается в интеллектуальном контексте второй половины XIX в., когда «доистория» (*Préhistoire*) только формировалась как научная дисциплина, когда ее хронологические рамки и содержание еще оставались предметом дискуссий. Барон же выступал своеобразным связующим звеном между поколением основателей французской «доистории» и исследователями рубежа XIX–XX вв., которые придали новой дисциплине институциональные рамки. Научная репутация де Бая была закреплена публикацией двумя изданиями фундаментального труда «Доисторическая археология» (1880; 1888). Исследования де Бая получили широкую огласку не только в Шампани и во Франции в целом. Его имя стало известно в археологических кругах Европы, в том числе и в России. Сам он, по мере погружения в изучаемый материал, все более стремился сопоставить шампанские древности с находками из других регионов континента, желая вписать их в более широкий историко-культурный контекст.

Компаративную линию продолжает очерк Михаила Казанского «Жозеф де Бай и древности эпохи Великого переселения народов в России». Он обращает внимание на интеллектуальный контекст эпохи, отмечая, что к концу XIX в. европейская археология достигла значительных успехов в изучении «варварских» древностей позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. К аналогичным проблемам обратились и русские ученые, начав масштабные исследования в Крыму, на Кавказе, в Поволжье. Однако из-за языкового барьера их труды не всегда могли быть доступны европейским коллегам. В связи с этим де Бай, искренне и горячо увлекшийся Россией и выучивший русский язык, стал своего рода посредником между русской и европейской наукой. Его

деятельность на этом поприще предшествовала подвижническому труду финского археолога А.М. Тальгрена – организатора и издателя журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» в 1926–1938 гг. [Кузьминых, Салминен 2016].

Благодаря многочисленным публикациям на французском языке де Бай познакомил западную науку с археологическими памятниками России и ходом их изучения. Казанский в заключение своего очерка подчеркивает, что многие интерпретации барона сегодня пересмотрены, как, например, его версия, что формирование звериного стиля происходило в Черноморско-Кавказском регионе под влиянием скифских и сасанидских традиций, а затем готы перенесли его на Запад. В то же время готская атрибуция части крымских памятников, сделанная де Баем, в целом подтверждена современной археологией. Однако, с точки зрения Казанского, главная заслуга французского ученого состоит в том, что он в числе первых привлек внимание западноевропейской науки к археологии России эпохи Великого переселения и включил русские древности в общеевропейский исторический контекст. К сожалению, в этом разделе не нашел отражения анализ огромных кавказских коллекций, собранных де Баем в Осетии, Армении и Азербайджане. Они представляют только вещевой инвентарь и не сопровождаются какими-либо архивными данными. Вероятно, именно по этой причине составители издания посчитали, что кавказские материалы барона требуют специального обращения и заинтересованного исследователя.

Готская и русская проблематика переплелись в разделе, написанном итальянским историком Франческо Ловино. В основе его лежит почти детективная история, связанная с разысканием в Праге рукописи барона де Бая о распространении готского искусства на юге России и установлением характера ее создания. Ловино делает краткий экскурс в историю развития связей французского ученого с российской наукой. В 1890 г. де Бай приехал в Москву для участия в VIII Археологическом съезде, и с этого момента стал бывать в России регулярно. Он в полной мере стал «своим человеком» в российской научной среде, официальным признанием чего стало награждение орденами Святой Анны и Святого Станислава, избрание членом-корреспондентом Императорского Исторического музея. Но, главное, барон обзавелся многочисленными друзьями и коллегами, среди которых автор очерка специально выделил Н.П. Кондакова, который вместе с И.И. Толстым работал над изданием серии «Русские древности». Ловино отмечает, что «русский опыт» французского ученого складывался в ту пору, когда российские ученые заново открывали и переосмысливали собственное культурное наследие.

Летом 1914 г. барон находился в России, где его застало известие о начале Первой мировой войны. Возможностей вернуться на родину у него не было, и по злой иронии судьбы родовое имение на Марне оказалось в пожаре боевых действий. Де Бай нашел приют у своего старого друга графа С.Д. Шереме-

тева в его имении Кусково. В Москве он встретил революционные события 1917 г. В декабре 1918 г. большевики арестовали барона, некоторое время он провел в заключении, но, по счастью, оказался отпущен. Здесь стоит добавить, что жизнь де Бая в революционной Москве еще нуждается в специальном изучении. Ловино констатирует, что в феврале 1919 г. старые друзья смогли устроить де Бая на работу в Российский Исторический музей. Огромную роль в этом сыграл его директор князь Н.С. Щербатов, взявший на себя значительный политический риск. Он же поручил французского ученому исследование, которое должно было официально оправдывать его статус и гарантировать пусть скромное, но жалование. Так началась работа над обобщающим трудом об искусстве крымских готов. В октябре 1920 г. барон Жозеф де Бай получил наконец возможность вернуться на Родину, куда он увез и рукопись завершённой работы. Он непременно хотел опубликовать ее в авторитетном международном издании. Поиски привели его в Прагу, где в 1925 г. ученики Н.П. Кондакова организовали Семинарий (впоследствии – Археологический институт имени Н.П. Кондакова). Русские ученые-эмигранты были заинтересованы в публикации исследования французского ученого, которое должно было быть опубликовано в специальной серии «Скифика». Однако из-за нехватки средств публикация откладывалась. В итоге она так и не увидела света при жизни барона, который ушел из жизни в июне 1931 г. Ловино отмечает, что труд де Бая мыслился им как итог более чем 30-летних исследований «варварского искусства» эпохи Великого переселения народов. Он стремился создать синтетическое исследование, которое объединило бы археологические материалы разных стран, но прежде всего – России, и ответило на ключевой вопрос о восточных истоках готов. Хотя многие выводы французского ученого морально устарели, его работа являет собой важнейший историографический памятник. В связи с этим заслуживает похвалы ее публикация в рецензируемой книге по рукописи, сохранившейся в фонде Кондаковского института в архиве Института истории искусств академии наук Чешской Республики. Очерк Ловино, несомненно, вносит новые свидетельства в историю международных контактов Кондаковского института в Праге, которые пока изучены фрагментарно [Ковалев, Шереш 2019; Ковалев 2021; Янчаркова 2012; Palladino 2019; Foletti, Palladino 2021].

Олесся Кудрявцева-Вельманс посвятила свое исследование анализу исследовательского метода барона Жозефа де Бая. Она обратила внимание, что страсть к изучению материальной культуры отражала дух эпохи, отмеченный переходом от антикварного собирательства к научному осмыслению. Одновременно автор раздела указала на важность появления новых коммуникационных площадок, которые обеспечивали обмен знаниями и трансфер идей. Таковыми стали, например, всемирные выставки, оказавшие сильное воздействие на де Бая. Не меньшую роль сыграли международные антропо-

логические, археологические и этнографические конгрессы, которые дали возможность сопоставлять имеющиеся в разных странах коллекции, обмениваться результатами их исследований и тем самым формировать основу для сравнительного осмысления больших научных проблем. Международные археологические конгрессы дали барону возможность войти в европейское научное сообщество, несмотря на отсутствие классической университетской карьеры. В этом смысле де Бай выступал типичным представителем эпохи, когда граница между ученым и любителем еще оставалась зыбкой. Примеров тому было немало и в России (И. А. Забелин, В. А. Городцов, Н. К. Минко, П. А. Пономарев, В. К. Арсеньев и др.). Но в то же время важнейшее значение в развитии карьеры французского ученого и формировании научной репутации имели контакты с научными институтами, например, с Российским Историческим музеем, Русским и Московским археологическими обществами.

Начиная с 1890-х годов барон де Бай активно выступал на различных научных мероприятиях с докладами о «варварском искусстве», неизменно подчеркивая необходимость международных сравнительных исследований. Российский археологический материал, по его мнению, мог сыграть ключевую роль в объяснении происхождения многих художественных форм эпохи Великого переселения народов. Барон убеждал коллег: «Мои предыдущие работы ... охватывали различные регионы Европы. Во всех них я отмечал восточный характер и восточное происхождение так называемых варварских древностей, которые я изучал; по этой причине я всегда обращал взгляд к России. Россия, по моему мнению, должна была дать решение проблемы, которая нас занимает; я указывал на это со все возрастающей настойчивостью и постоянством» [Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob 2022, p. 228].

Как отмечает автор очерка, в 1890-е годы научные интересы де Бая сместились с Западной Европы в сторону России. Французский аристократ совершил многочисленные поездки по стране, в особенности по Поволжью, Уралу, Кавказу и Сибири. Сравнительный метод ученого основывался на убеждении, что культуры Евразии связаны между собой сложной системой контактов и обменов. Исследования Волго-Уральского региона и Сибири позволили ему выявить многочисленные параллели между европейскими и азиатскими художественными традициями. При этом де Бай не ограничивался изучением археологических памятников, он проявлял огромный интерес к этнографическим материалам, в частности к народным костюмам и украшениям.

Кудрявцева-Вельманс, подчеркивает, что даже в пору исторических потрясений, коими были Первая мировая война, революции 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война в России, барон продолжал защищать свою научную программу, подчеркивать необходимость совместных исследований российских и западноевропейских археологов. Призыв этот обрел неожиданную актуальность в наше драматическое время.

В статье Ольги Даниловой специально анализируются ученые поездки де Бая по Уралу и Сибири. Эти регионы занимали особое место в его исследованиях, поскольку рассматривались как зоны контакта между Европой и Азией. Автор показывает, что эти экспедиции следует рассматривать не только как эпизоды в биографии французского исследователя, но и как важные этапы в формировании сравнительного подхода в изучении материальных культур Евразии.

Поездки де Бая включали посещение важных региональных административных и культурных центров – Казани, Екатеринбурга, Перми, Тобольска, Томска. Везде он изучал музейные коллекции, знакомился с результатами археологических раскопок и активно общался с русскими археологами и этнографами. Эти контакты имели большое значение для научной деятельности барона, поскольку позволяли получать информацию о новейших находках из первых рук и доступ к еще не опубликованным материалам. Этнографические наблюдения, сделанные во время путешествий, служили для него важным источником при интерпретации археологических находок. Такой подход позволял проследить длительные культурные традиции и выявлять преемственность между древними и современными формами материальной культуры. Путешествия де Бая привели также к формированию его собственных археологических и этнографических коллекций. Часть собранных предметов была затем представлена на выставках и передана в европейские музеи, где они привлекли внимание исследователей, занимавшихся историей и археологией Евразии.

Таким образом, Данилова показывает, что экспедиции барона на Урал и в Сибирь были не просто исследовательскими поездками, но важным элементом международного научного обмена конца XIX – начала XX в. Они способствовали расширению знаний о культурах Евразии и укреплению сравнительного метода в археологии и этнографии. В более широком контексте эти путешествия стали значимым эпизодом в истории научного сотрудничества между Россией и Западной Европой и внесли вклад в формирование представлений о Северной Евразии как пространстве культурных взаимодействий.

Армелль Ле Гофф в своем исследовании вписала экспедиции барона де Бая в Россию в контекст развития французской науки и одновременно российско-французских научных связей на официальном уровне. Она считает важной вехой в развитии международных связей французской науки создание в 1842 г. Службы миссий (*Service des missions*) при Министерстве народного просвещения, которое занималось организацией зарубежных поездок французских ученых. Прошения о поездках в Российскую империю были многочисленными, автор насчитала около 50 подобных заявок. С середины XIX в. интерес исследователей к России постепенно усиливался. Если до 1870-х годов внимание ученых было сосредоточено, главным образом, на изучении библиотечных и архивных собраний, то позднее все большую роль начинают играть археология, антропология,

география и этнография. Именно при поддержке Министерства просвещения де Бай вместе с Э. Картальяком совершили поездку в Россию в 1890 г. для участия в VIII Археологическом съезде. Здесь уместно напомнить, что именно с проведения данного съезда, созданного по случаю 25-летия Императорского Московского археологического общества, к участию в нем на постоянной основе стали приглашаться иностранные ученые [Серых 2014, с. 72].

В Москве барон лично познакомился со многими русскими учеными, например, с графом С. Д. Шереметевым, который стал его близким другом. Большой успех этой поездки де Бай использовал для обоснования необходимости отправки французской делегации в Москву в 1892 г. для участия в XI-й сессии Международного конгресса по доисторической археологии и антропологии и II-го Международного зоологического конгресса. Хотя Министерство благосклонно относилось к поездкам барона, экспедиции на Урал и в Сибирь в 1895–1897 гг. он организовывал за собственный счет. Вместе с тем последующая поездка на Кавказ получила поддержку Службы миссий. Пример барона де Бая наглядно показывает, как сочетание личных и институциональных инициатив оказывало положительную динамику на развитие российско-французских научных связей. Де Бай, благодаря своим путешествиям, а затем созданных на их основе тематических лекций и публикаций познакомил французскую общественность с археологическими и этнографическими богатствами Российской империи.

В заключительном исследовательском очерке, написанном Пьером Гонно, рассказывается о восприятии бароном Жозефом де Баем русского искусства. Автор показывает, что де Бай, будучи убежденным сторонником франко-русского союза, соединял в себе качества археолога, коллекционера, лектора, публициста и культурного посредника. Хотя он не принадлежал к официальной академической элите, во многом именно независимая позиция позволяла ему действовать широко и свободно. Гонно подробно прослеживает маршруты де Бая по Российской империи, поясняя, сколь огромное воздействие на него оказало посещение Киева, Владимира, Пскова и Новгорода. Его интерес был сфокусирован на церковном искусстве, в особенности на иконах и фресках. Как пишет автор статьи, «этот традиционалист-католик позволяет себе глубоко растрогаться православным благочестием и религиозным искусством русского Средневековья» [Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob 2022, p. 523]. При этом барон не был чужд интереса и к русскому художественному творчеству XVIII–XIX вв. Особое внимание в главе уделено тому, как Жозеф де Бай пытался осмыслить саму категорию «русского искусства». Полемизируя с мнением, будто особого русского стиля не существует, он настойчиво утверждал его реальность и художественную ценность. Гонно показывает, что в де Бае сочетались искреннее восхищение православной традицией, романтическое чувство к «старой России» и желание вписать русский материал в общеевропейский

художественный контекст. С одной стороны, французский ученый не всегда в полной мере владел материалом, нередко зависел в интерпретациях от русских коллег и действовал скорее интуитивно, чем аналитически. Но, с другой стороны, как верно показывает автор главы, барон обладал замечательной наблюдательностью, умением распознавать значимые предметы и памятники, а также способностью намечать перспективные исследовательские темы.

Важнейший вывод, к которому подводит Гонно, состоит в том, что наследие барона де Бая нельзя оценивать только с точки зрения строгой академической научности. Его значение заключалось также в создании сети контактов, в посредничестве между странами, в умении соединять научное любопытство, культурную дипломатию и личную преданность изучаемому предмету. Тем самым Гонно убедительно показывает, что фигура ученого представляет интерес не только для истории археологии, но и для более широкой истории культурных трансферов, научного взаимодействия и франко-русского интеллектуального диалога.

Авторы очерков отнюдь не идеализируют барона Жозефа де Бая. Напротив, они стремятся рассматривать его фигуру и его творчество критически, в контексте эпохи. Он был чрезвычайно деятельным и одаренным исследователем, популяризатором и собирателем, но при этом методы и выводы де Бая не всегда принимались академическим сообществом безоговорочно. Эта двойственность воспринимается не как недостаток историографии, но как характерная черта времени и эпохи. Жозеф де Бай интересен именно как фигура переходной эпохи, стоящая на границе между антикварной культурой XIX в. и активно развивающейся профессиональной археологией.

Изучение жизни и творчества барона де Бая важно для понимания истории российско-французских научных связей конца XIX – начала XX в., поскольку его деятельность стала одним из заметных каналов интеллектуального взаимодействия между научными сообществами двух стран. Барон активно сотрудничал с российскими археологами и историками, проводил исследования на территории Российской империи, публиковал работы о русских древностях и способствовал популяризации результатов российских археологических исследований во Франции. Через его научные контакты, публикации, участие в жизни ученых обществ и иных институций формировалось устойчивое поле профессионального обмена между российской и французской наукой. Поэтому анализ его деятельности позволяет лучше понять механизмы транснационального научного сотрудничества и роль отдельных посредников в развитии европейской истории, археологии и этнографии. История взаимодействий барона Жозефа де Бая с коллегами из России также наглядно показывает, что российская наука всегда была неотъемлемой частью европейской науки, и что свободный интеллектуальный обмен является самой надежной гарантией успешного развития научной мысли и знания.

Библиография

Белозерова И.В., Кузьминых С.В., Николаева Е.Е. «Мы, сотрудники Исторического музея, по-прежнему помним о вас»: В.А. Городцов и барон де Бай (по материалам ОПИ ГИМ) // *Stratum plus. Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2026. № 6 (в печати).

Ковалев М.В. Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге и его связи с венгерскими учеными // *Археология евразийских степей*. 2021. № 4. С. 57–67.

Ковалев М.В., Шереш А. Венгерский археолог Нандор Феттих и его связи с русскими учеными // *Славяноведения*. 2019. № 4. С. 24–36.

Кузьминых С.В., Салминен Т. А.М. Тальгрэн – редактор журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» // *Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)* / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 40–44.

Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.

Янчаркова Ю. Г.А. Острогорский и Археологический институт имени Н.П. Кондакова в Праге // *Byzantinoslavica*. 2012. Roč. 70. Č. 1–2. S. 53–75.

Foletti I., Palladino A. Nomadic arts in emigration: Russian diaspora, Czechoslovakia, and the broken dream of a borderless Europe (1918–45) // *Journal of Art Historiography*. 2021. Vol. 25. № 2. P. 1–13.

Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob. Art, archéologie, ethnographie (écrits de 1874–1925) / Éd. par J.-J. Charpy, P. Gonneau, M. Kazanski, O. Koudriavtseva-Velmans. Paris: Institut d'études slaves, 2022. 812 p.

Palladino A. The Wolfgang Born – Kondakov Institute correspondence: art history, freedom, and the rising fear in the 1930s // *Convivium*. 2019. Roč. 6. Č. 2. S. 128–135.

Reference

Belozerova I.V., Kuzminykh S.V., Nikolaeva E.E. «My, sotrudniki Istoricheskogo muzeya, po-prezhnemu pomnim o vas»: V.A. Gorodtsov i baron de Bai (po materialam OPI GIM) [“We, the Staff of the Historical Museum, Still Remember You”: V.A. Gorodtsov and Baron de Baye (Based on Materials from the Department of Written Sources of the State Historical Museum)] // *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2026. N 6 (forthcoming). (In Russ.)

Foletti I., Palladino A. Nomadic arts in emigration: Russian diaspora, Czechoslovakia, and the broken dream of a borderless Europe (1918–45) // *Journal of Art Historiography*. 2021. Vol. 25. N 2. P. 1–13.

Jančárková J. G.A. Ostrogorskii i Arkheologicheskii institut imeni N.P. Kondakova v Prague [G.A. Ostrogorsky and the N.P. Kondakov Archaeological Institute in Prague] // *Byzantinoslavica*. 2012. Vol. 70. N 1–2. P. 53–75.

Joseph de Baye. De l'Aube à l'Ob. Art, archéologie, ethnographie (écrits de 1874–1925) / Éd. par J.-J. Charpy, P. Gonneau, M. Kazanski, O. Koudriavtseva-Velmans. Paris: Institut d'études slaves, 2022. 812 p.

Kovalev M.V. Arkheologicheskii institut imeni N.P. Kondakova v Prague i ego svyazi s vengerskimi uchenyimi [The N.P. Kondakov Archaeological Institute in Prague and Its Contacts with Hungarian Scholars] // *Arkheologiya evraziiskikh stepei*. 2021. N 4. P. 57–67. (In Russ.)

Kovalev M.V., Seres A. Vengerskii arkheolog Nandor Fettikh i ego svyazi s russkimi uchenyimi [Hungarian Archaeologist Nándor Fettich and His Contacts with Russian Scholars] // *Slavyanovedenie*. 2019. N 4. P. 24–36. (In Russ.)

Kuzminykh S.V., Salminen T. A.M. Tal'gren – redaktor zhurnala «Eurasia Septentrionalis Antiqua» [A.M. Tallgren as Editor of the Journal Eurasia Septentrionalis Antiqua] // Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya) [Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (Problems of Interpretation and Preservation)] / Ed. by V.V. Bobrov. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016. P. 40–44. (In Russ.)

Palladino A. The Wolfgang Born – Kondakov Institute correspondence: art history, freedom, and the rising fear in the 1930s // Convivium. 2019. Roč. 6. Č. 2. S. 128–135.

Serykh D.V. Vserossiiskie arkheologicheskie s"ezdy kak forma organizatsii otechestvennoi arkheologicheskoi nauki vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [All-Russian Archaeological Congresses as a Form of Organization of Russian Archaeological Scholarship in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Kazan: Otechestvo. 188 p. (In Russ.)